

Заблудившийся к р и к Атлантиды

1.

Газетная шумиха вокруг расшифровки реликтового излучения утихла, и к делу приступили серьезные люди. Колесики могучей государственной механики запустились, набирая обороты. Вскоре на рабочем столе Селиванова появилась бумага следующего содержания:

«Майору Селиванову Л.М. Ввиду декодирования сведений из «реликтового излучения» предписываю незамедлительно выехать на место с координатами 54049?12?? С.Ш. 590 02?37?? В.Д. О результатах осмотра доложить. Подполковник Потапов А.И.»

Леонид Михайлович глянул на карту и понял, что «незамедлительно выехать» ему предстоит на Урал. «Селиванов — каждой дырке затычка», — мрачно подумалось ему. Прежде чем забрать предписание, он заглянул в лабораторию. Здесь по описи получил новейший определитель местоположения и рюкзак с причиндалами туриста—исследователя: фонарем, саперной лопаткой, перфоратором с автономным источником питания и прочими мелочами. Дальше по коридору, за железной дверью секретной части неутомимая Люська — дамочка, не лишенная некоторой приятности, — строчила ему командировочное предписание.

В голове затуманилось. Оказывается, уже несколько лет умы человечества силились понять, что же Господь Бог такого пожелал всем нам,

отправив сообщение в момент зарождения Вселенной. Ведь фон реликтового излучения сильно напоминает форму случайного сигнала с неравномерным энергетическим спектром, а значит, не является «белым шумом». То есть представляет собой последовательный набор кодовых символов. Каково же было удивление Гриши Котова — студента и хакера из новосибирского Академгородка, — когда ему стало ясно, что в фоне угадывается циклически кодированное сообщение. Повозившись с ним, он получил данные каких-то координат. Поболтав на эту тему с приятелями за пивом, он успокоился и занял себя разработкой очередного вируса. Но история на этом не закончилась. Брякнутое за пивом стало известно где следует. Где следует информацию проверили, почесали затылки, задумались. Когда нашествие любителей сенсаций на южный хребет Уральских гор сошло на нет, вот тогда-то, как полагал Потапов Александр Ильич, пришло время действовать.

Несмотря на конец августа, Селиванов озяб. Немудрено, Уральские горы хоть и не Гималаи, но все же, поднявшись на километр ближе к Богу, острее ощущаешь его прохладное дыхание. Определив координаты, Леонид Михайлович ничего подозрительного на местности не обнаружил. Вот уже второй день он в поисках чего-то ползал на коленках по пятакчу в пять квадратных метров. И ничего не находил. За эти дни были пересчитаны травинки, камушки, и он уже подумывал над тем, не пересчитать ли песчинки, когда в голову пришла мысль отодвинуть увесистый валун, лежащий в некотором отдалении. Сдвинув камень, он обнаружил под ним небольшое отверстие, похожее на те, что часто встречаются на полях, обжитых кротами. Сердце Селиванова забилось в предчувствии, и он спешно принялся разгрести податливый грунт. Сначала лопаткой, а затем пришлось запустить перфоратор. Вскоре он понял, что за отверстием скрывается довольно обширная полость. Достаточно было посветить фонарем внутрь, чтобы стало ясно — полость эта неглубока. Спрыгнув в нее, он оказался в довольно большой пещере, образованной, судя по всему, древней рекой, а может, каким-нибудь высохшим рукавом реки Урал. На разгоряченного работой Селиванова повеяло прохладой, но не той, что ищешь в знойный день и не находишь, а той, которой не ищешь вовсе, но на склоне лет она сама находит каждого из нас...

Руслو древнего потока уходило в глубь горы. Невдалеке, меж сосуллек сталагмитов, виднелось небольшое зеленоватое озерцо. С потолка свисали нити корней деревьев, что росли снаружи.

Взглянув на дисплей прибора-навигатора, Леонид Михайлович удостоверился, что стоит рядом с искомым местом. Приблизившись к нему, он тут же был ослеплен яркой вспышкой. В голове роем пронеслись спутавшиеся мысли. Отчего-то представилось ему, что вовсе он не майор Селиванов, а другой Селиванов, которому вздумалось почудесить на склоне лет. Он знал, что за посредством мздопримства наладил работу неуказной фабрички в Покровском, подумывал уже собственной пристанью на Москве обзавестись, чтоб товары сподручнее перевозить, в общем, жил — не тужил. Одна только мысль тревожила его, как поступить с дворовой девкой, что женой теперь называется. Однажды, казалось, заурядная пьянка переросла в свадьбу. Протрезвев, решил дело это похерить и выдать «жену» замуж за собственного каретника. Но разбирательство дошло до Синода, и разжениться не удалось. Синод не внял тому, что, мол, спьяну оженился, за ипохондрической болезнью. Что никак, мол, не упомнит венчанья, да и не было вовсе такового, а была лишь шутовская выходка. Однако Синод затребовал забрать жену от каретника и жить с нею, а нет, так в монастырь на покаяние,

может, на старости лет ума прибудет за стенами. Имущество же отписать по закону — супруге. Смирился... А тут еще напасть: регистратор с полицейской командой нагрянул в Покровское. Описал неуказную фабрику, изъял станы да тафту. Жить делалось тяжелее.

...Майор Селиванов обнаружил себя лежащим на дне пещеры рядом с меркнувшим фонарем. Что за черт?! Он машинально глянул на дисплей и понял, что находится в полуметре от заветного места. Искушать судьбу не стал и на четвереньках обогнул зловещий пятак. Выбравшись наружу, он достал спутниковый телефон из рюкзака.

— Подполковник Потапов! — послышалось из трубки.

— Здравия желаю! Селиванов на связи. Обнаружил. Без бутылки, Ильич, не разобраться. Одно могу сказать — страшно.

— Свяжись с нашими людьми из Златоуста — пусть кого-нибудь пришлют туда, а сам возвращайся, — последовал приказ после непродолжительного молчания.

Потапов, мрачнее самого Самого, сидел за столом и тупо разглядывал ворох бумаг. Вот уже несколько дней после звонка Селиванова Сам — полковник Никифоров — был не в духе. Его бесили дела, в которых он ни бельмеса не смыслил, а дел таких обычно было немало, и потому сотрудники воспринимали его состояние естественным. Потапов нервно провел потной ладонью по едва заметной лысине, что заявила о себе некоторое время назад. Пощупав ее, он окончательно расстроился — скоро погонят на пенсию. Глаза его то сужались в щелки, то тарасились на расплывающиеся буквы докладных.

«...По обрывочным сведениям расшифрованного сигнала стало известно, что в послании речь идет о времени, как некоем единстве, в котором пространство образует форму в виде призмы. Содержание этой фигуры насыщено фактором скорости частиц, перемещающихся вдоль оси призмы. Физический смысл темен. Похоже, что это набор фраз некоей заумной шутки. Впрочем, представляется любопытным, что фактор скорости может иметь отрицательное значение. Это позволяет сделать предположение о возможности развития времени в обратном направлении. В этой связи полезно вспомнить о том, что перемещение предметов вовсе не зависит от времени, но происходит в нем...»

Оторвав взгляд от заключения лаборатории, он принялся читать докладную старшего лейтенанта Старостина С. Н., оперативного работника Златоустинского управления.

«...определившись на местности, я в соответствии с приказанием старшего группы приступил к исследованию объекта. В какой-то момент в глаза ударила вспышка света, после чего представилось, будто бы я пребываю в весьма странной фронтальной обстановке в качестве начальника телеграфной команды в составе пехотного батальона. Ко мне в палатку вошел некто поручик Румянцев, малый с легким налетом крестинизма на лице...»

Потапов поморщился. Куда-то в сторону понесло лейтенанта, лирики напустил.

«...по которому легко в толпе узнается натура нервная и непредсказуемая. Таким типам, по моим наблюдениям, абсолютно безразлично при ком нести службу, лишь бы кусок был пожирнее. Я же в тот момент клеил криптограмму следующего содержания:

Начальник 1-й пехотной запасной бригады.

8 июля 1915 года

№ 7383 Чугуев лагерь.

Командиру 31 пехотного запасного батальона.

Ни для кого не тайна, что каждый жид всевозможными средствами

подло стремится освободиться от военной службы, даже совершенно посторонние честные люди обличают их в подделке, и никогда раньше, как теперь, нравственный облик этого народа еще не определялся с большей ясностью; в то время как русский солдат с глубоким чувством патриотизма, сознавая свой долг перед Царем и Родиной, самоотверженно проливает свою кровь на поле брани, жид своими ухищрениями всячески избегает встать в ряды русской армии на защиту своей родины, надеясь таким образом обмануть всех; а после окончания войны снова начнет требовать равноправия, якобы за действительное участие в защите отечества вместе с русскими людьми...*

Должен сказать, что я не разделяю гнусных взглядов командующего бригадой генерал-лейтенанта Ждановича. Но главное, я не смог сохранить в тайне полученное распоряжение. Румянцев успел прочесть его и предложил до поры до времени не озвучивать. Я смалодушничал и позволил себя уговорить. Тем временем поручик потащил меня в ресторанчик откушать сете из оленины под херес из старых запасов Когана — известного в тех местах ресторатора, по пути посвящая меня в свой злодейский план. Суть его заключалась в том, что мы, якобы по секрету, сообщали бы зажиточным евреям об ожидаемой расстрельной команде, а для правдоподобности показывали бы им криптограмму. За предупреждение условились брать денег...»

Потапов глянул на коротенькую телеграмму, пришедшую вслед за докладной:

«В настоящее время ст. л-т Старостин С.Н. наблюдается в Златоустинском психиатрическом диспансере на предмет выявления шизофренических...»

Дверь скрипнула, и в щель боком протиснулся Селиванов.

— Разрешите...

— Наконец-то! — воскликнул Потапов. — Ты чего не самолетом?

— Ильич, — прошептал майор, — я и на поезде боюсь...

Потапов смекнул, что дела разворачиваются нешуточные, и потянулся к сейфу. Из его чрева были извлечены: бутылка водки, два стакана и половинка подсохшего лимона. После выпитого, когда лицо Селиванова порозовело, подполковник спросил:

— Что это было, Михалыч? — но в этот момент дверь кабинета открылась, явив Люську из секретной части.

— Александр Ильич, из Златоуста шифрограмма. Распишитесь.

Подполковник углубился в изучение текста:

«Ракита. Объект «Пятак». Из донесения старшего оцепления лейтенанта Остапчука. Срочно.

Нарушив инструкцию, я в 14-10 31.08.2005 г. спустился внутрь полости и оказался в зоне действия «Пятака». Мне почудилось, будто бы возникла светящаяся геометрическая фигура, очень похожая на граненый стакан значительных размеров. Вскоре внутри «стакана» из сгустившейся пустоты образовался субъект в одеждах, доселе мною невиданных. Очень похожих на платья, носимые древними греками...»

— Хм, стакан. А-а! Призма, — сказал и продолжил чтение Потапов:

«...Субъект делал какие-то странные знаки мне. Он беспрестанно махал руками перед лицом, а однажды сотворил неприличный жест. При этом глаза его горели сатанинским огнем, будто бы из самой преисподней явился...»

— В этом Златоусте не офицеры, а сплошные лирики.

*Архив русской революции, тт. 19 — 20.

«...за мною посланник ада. За все время пребывания возле «стакана» у меня сложилось стойкое ощущение того, что «грек» пытается войти в контакт. Но стоило мне приблизиться к нему, как этот наглец погрозил кулаком, и губы его зашевелились. Видимо, он силился что-то сказать (полагаю, нелицеприятное), но безмолвие окутывало пространство, и ни единого звука не доносилось до моего обострившегося слуха. Только капли слетали со свода в озерцо, и всплески их отчетливо слышал я. Вдруг мне почудилось, что галереи пещеры заполнились бурными потоками воды, но вскоре видение исчезло. Только кое-где осталась трепещущая рыба, что не успела уплыть. После мы ее зажарили, и она оказалась весьма недурственной на вкус. Странно, ведь вода мне причудилась, а рыба была осязаема...»

Будто бы неведомая пружина вытолкнула из кресла Потапова. Он вытянулся, устремив взгляд вытаращенных глаз на дверь. Селиванов на всякий случай также поднялся, хотя и не видел, что там происходит. Между тем в кабинет вошел Сам. Его лысый шишковатый череп, отражающий световые блики, как хорошо начищенный самовар, покрывала легкая испарина, что свидетельствовало о высшей степени душевного волнения. Обычно он принимал такой вид в минуты, когда хотел заставить трепетать подчиненных. И это ему всегда удавалось, так как тяжелый подбородок и злобный взгляд его маленьких глаз способствовали усилению страха у служащих людей. Меж тем Никифоров потянул мясистым носом.

— Пьянствуете, — констатировало начальство. Безнадежно упавший голос принадлежал не полковнику, а, скорее, раздавленному житейскими заботами хлюпику. — Ну-ка, чего там у тебя...

Потапов потянулся к сейфу и поставил коньяк на стол.

— Плесни-ка, — когда же темно-рубиновая влага заполнила треть стакана, Никифоров недовольно пробурчал: — Ты чего, Ильич, краев не видишь? — Пожевав лимон, он объявил: — Представление не подписали.

Все знали, что последний год Сам ничем всерьез не занимался, после того как внушил себе, что пора возвыситься в чине.

— Из Академии наук людей прислали. От нас требуется обеспечить содействие в разработке «Пятака». А тебя, Селиванов, никто от работы не отстранял, — неожиданно закончил он голосом прежнего Никифорова. — Марш в Златоуст! Бездельники! Дармоеды!

Сказал, успокоился и с чувством исполненного обязательного действия направился к двери. В ту же минуту в кабинет впорхнула Люська. Увидав Никифорова, смутилась и пролепетала:

— Из Златоуста, товарищ полковник, шлют и шлют по «Раките»...

Сам насупился, выпятил нижнюю губу, глубоко засунул руки в карманы брюк и принялся раскачиваться на носках. Все кругом стихло, отдавшись созерцанию глубокомысленного начальства. Меж тем начальство, закончив неспешные размышления, изрекло:

— Ракита, ракита... Это что же, ива?

— Гм, — отозвался Потапов, — это позывной моего служебного канала.

— А-а... Ну, что там?

Но Потапов не ответил. Он с изумлением взирал на появление еще одной персоны в кабинете. Люська, глянув на вошедшего, взвизгнула и опрометью бросилась вон. Селиванов пятился к стене, судорожно глотая воздух и выпучив глаза на вошедшего. Видеть себя со стороны ему еще не приходилось, хотя, бывало, и допивался до состояния риз. Никифоров оставался невозмутим. Видимо, не осознавал абсурдности

происходящего: на пороге стоял Селиванов. В одной руке он держал бешкету, в другой — рюкзак. Обут он был не по сезону — в овчинные унты. Он прошел к столу, сел на освободившийся стул, изрек:

— Тема закрыта, Ильич!

2.

Пятый месяц томимый скукой Селиванов изнывал в Златоусте. Полковник велел не показываться ему на глаза до полного выяснения всего, что касается объекта «Пятак» — так обозначило руководство неизъяснимые явления в одной из пещер Уральского хребта. Но с памятного августовского дня ничего не происходило. Ученым не удавалось зафиксировать необычное. Так истекли месяцы до наступления января.

Бредя по обледеневшему тротуару, Селиванов со стороны выглядел сильно подгулявшим человеком. Трудно было устоять на порывистом ветру в утренней сини занимающегося дня. Бледный месяц и струящийся фиолетовый свет уличных фонарей освещали ему путь. Покачиваясь, он добрался до гостиницы — места сбора исследовательской группы. У подъезда их поджидал старенький военный вездеход, из-под которого торчали ноги водителя, обутые в валенки — ночная стужа прихватила масло в двигателе. Рядом томились умники из Академии, развлекая себя созерцанием шоферских мучений. Их хмурые лица отражали безнадегу предстоящего — провести в бессмысленности полдня на холоде. А тут из приоткрытой форточки, за которой свершались поварские таинства, доносился кухонный дразнящий чад приготавливаемого обеда, перед которым полагалась рюмочка... Вскоре мотор машины фыркнул и судорожно заурчал, изрыгнув черное облачко выхлопа.

После окончания тряски в холодной кабине вездехода предстояла пешая часовая прогулка в горы. Добравшись до места, Селиванов укрылся от зимнего ненастья в подземном убежище. Расставленные юпитеры вспыхнули, вырвав у мглы огражденный участок. Пройдя за ленточку, он увидел сполохи, а затем и контуры светящейся призмы, но почему-то совсем не удивился этому. Будто бы каждый день все эти полгода он наблюдал здесь эту странную призму. Внутри нее показались неизвестный тип греческого вида и белокурая девушка ослепительной красоты. Ее стройная фигура угадывалась под прямоугольным куском грубой ткани, прихваченным на талии изящным ремешком с серебряной пряжкой. Синие, цвета средиземноморского полуденного неба, глаза печально глядели на Селиванова. В них майор прочел призыв и, не раздумывая, шагнул к призме. Он беспрепятственно прошел сквозь стусившуюся пелену, что образовывала стенки «стакана», и оказался внутри него. В следующий миг пещера исчезла. Окрестности озарились солнечным светом, и Селиванов зажмурился от неожиданности. Через мгновение перед его взором предстало бушующее море. Волны, вспениваясь, с грохотом обрушивались на скалы, на вершине которых он стоял в своем нелепом зимнем одеянии. Брызги достигали его, и он с удовольствием вдыхал морскую пыльцу. Над головой летали чайки, пронзительно крича.

Немного погодя Селиванов обнаружил, что грека поблизости нет, а девушка в пеплосе медленно удаляется прочь в направлении странно-сооружения, возвышающегося несколько поодаль. Он кинулся за девушкой и догнал ее только у самого входа. Зданием оказалась значительных размеров ротонда из белого камня. Меж ее колонн на мраморном полу могли бы разместиться несколько тысяч человек, но сейчас она была пуста. Селиванов почувствовал, что под сенью купола его оку-

тала непроницаемая тишина. Ни грохота волн, ни щебета небесных птах, ни звука собственных шагов не доносилось более до его слуха.

В какой-то момент из-за колонн показался грек с лицом человека, осознавшего, что рожден он был на мучения. И это осознание придавало трагичности его выражению. Казалось, грек смирился с чем-то и теперь с обреченным видом приготовился встретить неизбежность. Он дождался девушку, и они пошли вместе, а за ними плелся майор, вытирая платком пот с висков, струящийся из-под меховой шапки. Наконец они добрались до середины ротонды. В полу зияло прямоугольное отверстие размером с хоккейную площадку, в чернеющую глубину которого уходили каменные ступени. Все трое принялись спускаться в неизвестность.

Рука Потапова привычно потянулась к сейфу, но вместилище самых нужных и заветных предметов было пусто. В голове мелькнуло: хорошо бы Селиванова в магазин послать, но, вспомнив, что Селивановых нынче двое, он не мог решить, которого из них. Тут донесся голос Самого:

— Селиванов, как это понимать?

— У этих, как их, атлантидцев накладка вышла, вот и закинули они меня в давно прошедший август вместо января. Я же, товарищ полковник, из девятого января 2006 года, а у вас, извините, все еще август.

— Товарищ полковник? — уныло протянул Никифоров. Тонкое чутье его уловило, что предстоящие полгода перемен к лучшему не принесут, и он потерял интерес к январскому Селиванову. — Ты, Потапов, разуждай, что там и как, а после мне вкратце доложишь.

— Ну, Михальчи, — оживился Потапов, как только затворилась дверь за удалившимся начальником, — докладывайте.

— Докладывать, собственно, нечего. Ты пошли в гастроном этого, — январский Селиванов кивнул в сторону Селиванова августовского. — Да, и прихватить бы чего-нибудь закусить... Все в прошлом. С реликтовым излучением смешались сигналы о помощи. Лучшие умы Атлантиды, как пришла пора утопить их стране, напряглись и исхитрились послать SOS в пространство в надежде, что кто-нибудь услышит. С передачей сигналов посредством электромагнитного излучения у них уже тогда было все в порядке. В подземелье ротонды я сам видал устройства, генерирующие несущую частоту, смесители, передатчики... Девушка там одна была... Что-то отвлекся я. Координаты же они ошибочно указали и уже после, когда ошибка вскрылась, приспособили перемещения к ним, впрочем, все равно из времени теперь выбраться не могут. Помощи, естественно, не получили — не от кого, Атлантида сгинула, а сигналы те отразились то ли от пояса астероидов где-то в космосе, то ли от пролетающей шальной кометы, и теперь мы их получаем спустя тысячелетия, полагая, что они есть составляющие реликтового излучения. Скоро прекратим получать...

— А призма-стакан, «грек», доклады златоустинских лейтенантов?

— Я же говорю тебе — уровень их развития был несопоставим с нынешним. Они с временем научились такие штуки выделять... Ведь по сути время — это одна из форм потока сознания. Человеку дано оно, вот он и сознает его в последовательности переживаний. То есть оно не существует само по себе, но только в материальных изменениях от прошлого к будущему. Древние же поняли, что время — это не просто поток материальных изменений, а нечто более сложное. Представь себе трехмерную систему координат, в которой оси обозначены как «позже»,

«раньше», «теперь». Где мы находимся? Известно, на оси-векторе «теперь», и движемся по ней пригвожденные к одной точке от рождения к смерти. Так же и человек раньше ползал по земной двухмерной плоскости, хотя и осознавал трехмерность пространства, но поделаться ничего не мог. Когда же поднялся в воздух, освоив, по сути, третье измерение, вот тут-то и открылись новые возможности. Так и люди Атлантиды. Они научились отрываться от оси «теперь» и перемещать себя по времени, используя три координаты: «позже», «раньше», «теперь», как в пространстве. Только были они еще в самом начале пути... О, наконец-то, — прервался Селиванов, увидав себя же полугодовой давности, входящим в кабинет.

Августовская версия Селиванова принялась хлопотать у стола. Появилась закуска в виде консервов сельди «иваси» в масле и литровой банки маринованных огурчиков. Хлеба ошарашенный Селиванов купить забыл, но в сейфе у Потапова отыскалась пачка печенья, и беседа продолжилась:

— С тех пор бродят они по времени и пространству, как неприкажные. Спаситься другого пути не было, вот они и нырнули во временной поток, а сами до конца так и не разобрались в механике управления им. Вынырнут из него на минуту-другую, и опять их уносит в плоскости координат. Вот и меня утащило и лейтенантов тех. Но если в первый раз вернулся я на место оси «теперь», то во второй ошибочка вышла — в прошлое меня забросило, ибо координата «раньше» не равнялась нулю в момент перемещения...

Дверь в кабинет приоткрылась, и в образовавшуюся щель робко просочилась Люська. С опаской глядя на Селивановых, хрустящих огурцами, она протянула бланк шифровки подполковнику Потапову.

«Ракита. Объект «Пятак». Станция космического слежения № 4.

Настоящим доношу, что с 16 час. 08 мин. 31.08.2005 г. наблюдаемый характерный сигнал в фоне реликтового излучения не фиксируется».

— Ну, вот и все, — потянувшись, констатировал Потапов. — Слушай, а зачем же тогда ты в Златоуст поехал?

Но тут раздался телефонный звонок внутренней связи, и в трубке послышался раздраженный голос Самого:

— Гони ты этих субчиков в Златоуст. Обоих! Не определять же мне на довольствие еще одного Селиванова.

ОБ АВТОРЕ:

Петр Ртищев. Родился в 1959 году. Фантастические произведения пишет не так чтоб очень давно. Время от времени их публикуют в периодике. В основном в журнале «Знание — сила» и литературном приложении к нему.